

С этой буквы пишутся два дорогих слова: Родина и Россия...

...и этот прекрасный раскатистый звук не выговаривает весьма большое количество моих знакомых, впрочем, как и я сама. Но нас это не останавливает: мы просто говорим на порядок быстрее. Велика ли, в сущности, разница, если отзывается этот звук в сердце не менее четко и звонко? Как и слова, эти важные слова, слова, которые Вадим Шефнер заклинал не затаскивать, *не поминать всуе как имя Господа*.

Повторять их не смею на каждом шагу, —

Как знамена в чехле, их в душе берегу...

...Пусть разменной монетой не служат они, —

Золотым эталоном их в сердце храни!

И не делай их слугами в мелком быту —

Береги изначальную их чистоту.

А бережём ли? Что вообще значат для нас эти слова? Мы ведь пишем, как слышим, а слышим — как говорим. Говорим — как думаем или не думая вовсе, что по сути значит одно и то же, как горячий чайник: то ли долго не остывает, то ли долго остывает. Сказал не подумав — сказал именно то, что думал.

Мы думаем образами, цветами, абстракциями. Наши мысли — фрагменты картинок, газетных вырезок, безделушек,

Нежное слово — Родина. Это место, где произошло Рождение, здесь взял исток Родник жизни. Это слово создает образ переливающейся воды через края ковша, и она всё течет и течёт из этих совсем не сдерживающих ее границ. Родившись в одном месте, человек волен и покинуть его, и даже не вернуться вовсе, — вода помнит себя, частицы ее первоначальной сути навсегда в ней. Родина всегда будет в душе человека. Красной ли ниточкой, осколком памяти, раной, мамой, *ощущением*, которое будет возникать то тут, то там, в незнакомых порой местах вызывая иллюзию узнавания. Вызывая память об истоке, о

бездонном небольшом ковше, пахнущем влажным деревом и свежестью. А может, это и не ковш вовсе, а ладони Бога.

"Есть люди без родины!" — скажет кто-то. Значит, и памяти у них нет, даром что не Иваны, и летят они по жизни, как парашютики одуванчиков... Только так не бывает, скажу вам я. Потому что даже в слове Апатрид есть эта буква — Р. У каждого человека есть исток, из которого он берёт своё начало и проносит его сквозь жизнь.

Другое слово — Россия. Оно перекачивается на языке прохладной Роскошью времён империи, Россыпью Регионов, равнинных и горных, Реформаторов, Радеющих за благо её... Очень официальное слово, морозно-белое и морёно-синее. И немного красное, в самом своем основании, как кровь из сердца. В память своего истока.

Русь — совсем другой звук, хотя именно он и породил Россию. Это резкий и размашистый удар топора: о черепушку врага, о звонкий пень посреди рощи. Резец дерево украшает узорами, орнаменты красные, красные, как Ярило. Как закатное солнце. Новое солнце тоже встанет красное, только киноварное, византийское... И узор усложнится золотыми нитями Православия.

За плечом России — и РСФСР: чеканный набор букв печатной машинки, замкнутый двумя Р, но они почему-то кажутся оглушёнными. Иван Сергеевич Шмелёв в "Солнце мёртвых" пишет слова Расход и Расстрел, ставя их все на одну линию. В них боль страшной потери выворачивает ребра наружу. Но в этой беспросветности был свой расцвет, упорный, всенародный, равноправный, многообразный. Красный, как глина, из которой возводилось новое здание обожженными на солнце руками.

Буква Р в русском языке начинает и другие замечательные, не менее важные для нас слова.

Религия. Это срывается с кончика горящей свечи горячая капля нежного воска и звонко падает на дощатый пол, блеснув в мягком маленьком свете посреди полумрака. В ризах образа, приглядывают, проповедуют, проводят. К Тому, что очень рядом, *ближе, чем ярёмная вена.*

Разум. Выкраиваемый кропотливой работой, вытачивающийся как кристалл, чтобы пронзять невежество и морок и открывать пути истины.

Радость. Без радости никак нельзя. Она робко прорастает и вдруг разворачивается в самой сердцевине души в огромный рассвет, розовый, как яблоки из старого сада, и трепетный, как ожидание чуда.

И всё это — Р. И всё это для нас — Родина и Россия. Хотя мы любим Родину душой ее ребенка, а страну — разумом ее гражданина. Это разные любви, в их основе — разные вещи. Гражданину долг велит гордиться своей страной, случайному причастию своему к ее великому целому. Это дань уважения ей и тем людям, которые ее создали и украсили. Можно ли гордиться Родиной? Я полагаю, что Родиной мы именно любимся и бережём ее более как нечто сакральное, личное, хрупкое. Как маленькое кровное сокровище. Можно ли считать, что что-то из этого важнее, а чем-то можно пренебречь? Ни в коей мере: это всё Любовь. Рябиновая любовь, чьи красные, как кровь, горькие ягоды даруют исцеление. И становятся сладкими только в лютую, морозную стужу.